

ГРАНИ МЕЛОДИЙ МОИХ

Ирина Туманова

Ирина Туманова

Грани мелодий моих

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711906
ISBN 9785449086211*

Аннотация

Писать стихи для Ирины Тумановой – такая же необходимость, как и петь. И поэтический «голос» певицы Тумановой так же уникален, как и её вокал. Ирина Туманова – автор семи поэтических сборников, член Союза писателей, неизменный член жюри многих поэтических конкурсов и фестивалей. Но главное, что в своей поэзии она уникальна, нестандартна и обращается к зрителю чувствующему, обладающему тонким эстетическим вкусом.

Содержание

Пришла пора, волнуясь, предвкушаю... Чего?	9
Любви! Но чьей? Читатель мой, конечно же, твоей!	
«Волнуюсь. Грудь вздымается. Горю...»	9
«Развалилась на диване...»	10
«Мужчина! Вы мне нравитесь!..»	11
«Нас не понять другим, не оправдать...»	12
«Мадам Клико...»	13
«Давно по спине не бежала...»	14
«Сумасшедший, какая сладость...»	15
«Ты целовал заветное то место...»	16
«Я сошла с ума...»	17
«Я тебя люблю бесконечно...»	18
«Мы не будем звонить друг другу...»	19
«Вы устали, я тянусь рукой...»	20
«Удивительно острые чувства...»	21
«Вы сказали мне – сексуальная...»	22
«Чтобы так ждать мужчину?...»	23
«Это немыслимо. Каждый день на счету...»	24
«Задыхаюсь опять...»	25
«Нам не станет легче...»	26
«Вы мне сказали: «Ночи!..»	27
«Мне так хочется выпить еще...»	28

«Нет сил тебя не обнимать...»	29
«Мудрость в бокале, мудрость...»	30
«Ажур листвы над городом, ажур, ажур, ажур...»	31
«Я не улавливаю чувств...»	32
«В отношении тебя – было...»	33
«Ты зашел, приятное томление...»	34
«Я не звоню ему...»	35
«Я вздрогнула...»	36
«Кусочки дыни на тарелке...»	37
«Я могу забыть Вас...»	38
«Вечер ворвался. В рюмке – вино...»	39
«Я тебя очень люблю...»	40
«Какие ласковые руки...»	41
«Масло золотистое...»	42
«Я вновь сказала: «Уходи!...»	43
«Твой пот...»	44
«Мне не трудно его приручить...»	45
«Я развратна? Может быть...»	46
«Я никогда не курила...»	47
«Почему мужчины эти?...»	48
«Одинокий мужчина...»	49
«Нет уж чувства. Кончились стихи...»	50
«Хочу поговорить с тобой в ночи...»	51
«Где же ты, милый мой, где ты и что с тобой?...»	52

«К чему задавать вопрос...»	53
Чужая любовь – потемки	54
Я и Ты	54
Жемчужное ожерелье	58
Обочина	64
Вечеринка	66
Заложница	67
Картошка	69
Рюмочка коньяка	72
Вместе	75
Переводчица	78
Авантюрист	83
Праздники	87
Ничего не менять...	88
Ремонт	91
Сын!	94
Банщик	97
Новые краски	100
Пробуждение	101
Нет, весна – это просто весна...	103
«Сегодня мне приснился ветер...»	103
«Ночь...»	104
«Не хочу, безумная, спешить...»	105
«Ты любил, ты уснул...»	106
«Свеча, такая гордая...»	107
«Два дня без него...»	108

«Нас только двое...»	109
«Я, кажется, уснула...»	110
«Ласкать, когда хочу...»	111
«Душит нежность, хочу закричать...»	112
«Глупые коровы сладкий луг жуют...»	113
«Разгадаю твой сон под ресницами...»	114
«Я купила случайно...»	115
«Как же мне тебя не любить?...»	116
«Я без тебя опять скучаю...»	117
«Бесконечна ночь без тебя...»	118
«На плече твоём роса...»	119
«Не смей, понимаю с полуслова...»	120
«Я закрою глаза...»	121
«Я тебя буду беречь...»	122
«А ты знаешь, этим чувствам ведь не день...»	123
«Нежно-абрикосовый...»	124
«Я в чем-то одинокий человек...»	126
«Что мне тебе подарить?...»	127
«Я тебя нашла...»	128
«Сначала их не было видно...»	129
«Две розы в разных вазах...»	130
«Поле, поле, поле...»	131
«Распустились первые цветы...»	132
«Неведомая сила...»	133
«Сегодня облака плывут быстрее...»	134
«Ты мне сказал, что жизнь проходит...»	135

«Я прошу тебя, будь со мной...»	136
«Я тебя уведу за черту...»	137
«Я сижу, пью вино. Вечер...»	138
«У реки луг большой...»	139
«Нет, весна – это просто весна...»	140
«Я утонула в мыслях...»	141
«Дерево сухое над водой стоит...»	142
«Мне не стыдно Вам признаться, что люблю...»	143
«Я хочу Вам сказать...»	144
«Нежность! Как много нежности...»	145
«Какая нервная любовь...»	146
«Мне сонно...»	147
«Береза!..»	148
«Не спеши...»	149
«В ветрах ...»	150
Сны-картины	151
Сон-сюр	151
Дом	159
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Грани мелодий моих

Ирина Туманова

Иллюстратор Дмитрий Яковлев

Редактор Людмила Пояркова

Корректор Игорь Сюч

© Ирина Туманова, 2018

© Дмитрий Яковлев, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-8621-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Пришла пора, волнуясь,
предвкушаю... Чего? Любви!
Но чьей? Читатель мой,
конечно же, твоей!**

**«Волнуюсь. Грудь
вздывается. Горю...»**

Волнуюсь. Грудь вздымается. Горю.
Так люблю я это состояние, —
Ощущение возможного желания.
Мысли дивные встревожено гоню.
Буду я томить себя молчанием.
Тихо тлеть в предчувствии огня.
Дверь открыв, прервешь мое дыхание,
И поймешь, как я ждала тебя...

«Развалилась на диване...»

Развалилась на диване.
Какая сладостная слабость.
Какая девственная радость
От появления весны.
Весны – не в днях календаря:
Ведь за окном пурга и снег,
Весны, которая во мне...
Я слышу свой зовущий смех,
Я слышу твой зовущий смех.

«Мужчина! Вы мне нравитесь!..»

Мужчина! Вы мне нравитесь!

И что теперь поделаешь?

Мужчина. Очень нравитесь.

Вы слышите? Беда.

Мне проходить, страдая?

Да я ведь сумасшедшая,

Вам от моей любви

Не скрыться никогда.

«Нас не понять другим, не оправдать...»

Нас не понять другим, не оправдать.
Как много мы смогли друг другу дать.
А та любовь, что нас с тобою ждет,
Она вздохнет, она простит, поймет.

Ну, не спеши, прошу тебя, не торопись.
Одной минутой больше, меньше...
Задержись.
Тебя ждут дома. И меня, я знаю, ждут.
И мы украли эти сорок пять минут.

«Мадам Клико...»

«Мадам Клико».

Я пью шампанское.

«Мадам Клико».

Пишу стихи.

Мои духи —

Тебе, французские.

Фантазию в жизнь воплоти.

«Давно по спине не бежала...»

Давно по спине не бежала
Холодная струйка дождя.
Так редко приходит желанье,
Что сразу и не поняла.
Я нервно сдавила колени.
Руками зажала виски.
Я весен давно не считала.
Зачем-то писала стихи.
Все чувства, всю дрожь и истому
Пыталась словами излить.
Нежданно пришел —
Не готова.
Боюсь я ненужной любви.

«Сумасшедший, какая сладость...»

Сумасшедший, какая сладость.
Ты меня выдумал, неужели любишь?
И спросить нельзя, вдруг обидишься...
Только – вслушиваться в дыхание,
Ну а если – не верю в пульс —
Всем сомнениям нет оправдания.
Сумасшедший, ты меня ранил...
Захлебнувшись в любви, умираю.

«Ты целовал заветное то место...»

Ты целовал заветное то место,
Мне стало душно и интересно.
Открыв глаза, я за тобою наблюдала,
И долго бы тебя не отпускала.

«Я сошла с ума...»

Я сошла с ума.
Устала очень.
В голове —
Безумный пульс
хохочет.
Холодеют руки,
Сердце стынет.
Чувство от разлуки
В бездну сгинет.

«Я тебя люблю бесконечно...»

Я тебя люблю бесконечно.

Я тебя хотеть буду вечно.

Кто сказал, что пошло все это?

Целовать хочу до рассвета – всего, моего!

Гордой я уйду, не согласишься.

Гордой я пройду – через двери.

Гордость и любовь в моей песне – одно.

Целовать всего... Гордая я.

«Мы не будем звонить друг другу...»

Мы не будем звонить друг другу.

У меня так однажды было.

Извини за прозу сравнений.

Видно, много шутила, любила.

Просто сдержанно, в один миг,

Будем чувствовать на расстоянии.

Это я спешу, это – ты.

Значит, будет сейчас свидание.

Незаметно уйдем в любовь,

Не вдаваясь в земные подробности.

И опять – тишина без звонков.

Проще все, чем людские сложности.

Не жалея слов теплых, нежности,

Скроем трудности и суету.

Дней безумие там, за дверью.

Любишь ты, как и я, красоту.

«Вы устали, я тянусь рукой...»

Вы устали, я тянусь рукой,
Чтоб убрать тревоги и печали.
Вы устали! Право, Вы смешной,
Эту руку Вы опять поцеловали.

Встреч случайных пристальный мотив.
Не хватает времени и слов.
А Вам некогда читать моих стихов.
Я забуду смысл вчерашних снов.

«Удивительно острые чувства...»

Удивительно острые чувства,
Если нет тебя рядом.
А когда ты рядом, в чем суть,
Не горю я под взглядом.

«Вы сказали мне – сексуальная...»

Вы сказали мне – сексуальная,
С глазами миндально-овальными.
Вот губы – от грусти опущены,
Ресницы, как шторы, приспущены.

Мне не понять своих линий.
Ливень стучит в окно.
Нет форм, признанно сильных,
Но я Вам нравлюсь, но...

«Чтобы так ждать мужчину?..»

Чтобы так ждать мужчину?

Чтобы так ждать!

Надо быть девчонкой сопливой,

Глупенькой, совсем жизнь не знать.

Вздрагивать от скрежета лифта.

С грустью слушать в трубке гудок.

Десять раз накрасившись, смыть все,

Проглотив печали комок.

Разве можно так ждать мужчину?

Разве можно так ждать.

Вот идет. Поймал машину.

И боится к тебе опоздать.

Сумасшедшая...

Вешняя птичка вся дрожит

И не верит в любовь.

Он с порога развеет тревоги.

Буду ждать его вновь и вновь.

«Это немыслимо. Каждый день на счету...»

Это немыслимо. Каждый день на счету.
Сроков не выставить. Счетчик там, наверху.
Будет прозрение. Будет день первой любви.
Звезды не выстроить. Просто мы не одни.

Ты не спугни, я не спугну.
Ты помоги, я помогу.

Звезды построились. Мы успокоились.
Просто замри. Как же прекрасны мы.

«Задыхаюсь опять...»

Задыхаюсь опять.
Город огромный спит.
Телефон молчит...
Может, сорваться в ночь,
Откинув тревоги прочь...
В дверь позвоню.

– Я пришла.
Но ты тихо бросишь:
«Зря...»

«Нам не станет легче...»

Нам не станет легче,
Если я приду к девяти.
Нам не хватит двух часов,
Как там не крути.
Будет мало целой ночи,
Будет мало дня.
Надо мной судьба хохочет,
Подарив тебя.
Я срываюсь, все бросаю,
По острию —
Я шагаю, я играю,
Где-то ползу.
Когда надо — ты не слышишь,
А не надо — звонишь.
Сумасшедший, тише, тише...
Почему ты молчишь?

«Вы мне сказали: «Ночи!..»»

Вы мне сказали: «Ночи!».

Свободны только дни.

А ночи, мой хороший,

Не ваши, не мои.

«Мне так хочется выпить еще...»

Мне так хочется выпить еще,
А вина уже нет.
И не греет мне душу, поверь,
Твой вчерашний букет.
Я желаю, чтоб рядом ты был,
Уничтожить тебя...
Не гореть же одной без огня...

«Нет сил тебя не обнимать...»

Нет сил тебя не обнимать,
Схожу с ума, и мучаются руки.
Зачем придумали любовь,
И эти вечные разлуки?
Стоять как призрак, в двух шагах.
Дышать – поймаешь ли дыханье,
И не взглянуть, и не сказать:
«Живая я, не изваяние...».

«Мудрость в бокале, мудрость...»

Мудрость в бокале, мудрость.

Что это было, что?

Глупость твоя и жадность, —

Пролитое вино.

Сердце, как на ладони.

Как божий день, душа.

Сажей измазал, грязью,

Светлые небеса.

Полное равнодушие.

Нежности, злости нет.

Что говоришь, — не слушаю.

Слов твоих странный бред...

Мудрость в бокале, мудрость.

Что это было, что?

Чувство твое последнее.

А для меня — вино.

«Ажур листвы над городом, ажур, ажур, ажур...»

Ажур листвы над городом, ажур, ажур, ажур...
Опавших листьев музыка в природе.
Как холодно, а мы с тобой смешны,
Одеты мы с тобой не по погоде.

Поздняя, поздняя осень,
Музыки, музыки просит.
Молча считает дни до зимы.
Поздняя, поздняя осень,
Тихо уйдет и не спросит,
Были ли мы влюблены...

Ажур листвы над городом, ажур, ажур, ажур...
Будь проще, знаешь, сложности не в моде.
Там облака, смотри, смотри, плывут.
К зиме морозной, говорят в народе.

«Я не улавливаю чувств...»

Я не улавливаю чувств,
Взгляд ускользнул, и не понять...
В знак благодарности не смей,
Прошу, любить меня, ласкать.

«В отношении тебя – было...»

В отношении тебя – было:

Злость, тоска, пурга.

Было.

Ревность, ненависть и зной.

Было.

Слов расстрел твоих порой.

Было.

Рук тепло твоих, прибой.

Было.

«Ты зашел, приятное томление...»

Ты зашел, приятное томление.
И трех дней небритая щетина.
Взгляд уставший, рук твоих стремление.
И утонет, видно, бригантина.
Захлебнувшись в дерзости желаний,
Загрустив от невозможности реалий,
Ты вошел, трехдневная щетина...
Боже мой, она меня дурманит!

«Я не звоню ему...»

Я не звоню ему,
Я только проверяю.
А вдруг есть связь,
Вдруг достигаем он...
Но почему молчит?
Противный, вот заранее
Мне SMS прислал, пижон.
А где слова любви?
Где дерзкие желания?
Несносный!
Говорит, к чему слова...
А где поэзия, страдания?
Скажи открыто, что
Нужна лишь я.

«Я вздрогнула...»

Я вздрогнула,
Зачем ты так
Неслышно подошел?
И сразу – слабость
От неожиданного тепла.
Молчим, боясь нарушить
ТИШИНУ
В пространстве
Между «ТЫ и Я» —
Сердец биение.

«Кусочки дыни на тарелке...»

Кусочки дыни на тарелке.
Два коньяка, и мысль в виске.
А Вы уйдете ровно в восемь,
Оставив чувство в коньяке.

Мы улыбаемся чуть нервно.
Уже почти не говорим.
В такой игре не буду первой.
Под Новый год в свечах сгорим.

«Я могу забыть Вас...»

Я могу забыть Вас.
Я от Вас устала.
Как капризна осень,
Мне все лета мало.
Раньше с полуслова
Я Вас понимала,
А теперь – тоскливо,
Я от Вас устала.

«Вечер ворвался. В рюмке – вино...»

Вечер ворвался. В рюмке – вино.
Звук приглушен, кто-то смотрит кино.
Страсти флюид не зовет, не горит.
Я подожду. Он проснется, флюид.
Я вдруг очнусь, полечу сквозь туман.
Сердце открою для огненных ран.
Вновь обнажу свои грани души.
Ты их понять не спеши, не спеши.

«Я тебя очень люблю...»

Я тебя очень люблю,
Правда – вчера ненавидела.
Я тебя очень люблю.
Правда – вчера так обидела.

Да, не подарком ты был.
Вдруг все плохое увидела.
Все же ты нежно любил,
Зря я тебя так обидела.

«Какие ласковые руки...»

Какие ласковые руки
Бегут, скользят.
Вновь уплывает от разлуки
Тревожный взгляд.
Слова застыли в полувзвухе
Пьянящих нот.
Неотрезвляющая сила
К тебе влечет.

Рождаешь ты во мне кокетство,
Мой нежный враг.
Ты – победитель бессловесный
Немых атак.
Многозначительна улыбка.
Тревоги тень.
Мгновенья встречи – не ошибка,
А – дар, поверь!

«Масло золотистое...»

Масло золотистое
Капает на тело.
Аромат лаванды
Я вдохнуть успела.
Твои руки нежные
Где-то там бродили,
Губы целовали,
А глаза любили.
Ночь струила свежесть,
Затопила нежность.
И минуты плыли,
Что за безмятежность...

«Я вновь сказала: «Уходи!..»

Я вновь сказала: «Уходи!»,
Взглянув тревожно на часы.
Вернуться в русло бытия
Пора. Ты слышишь?
Мне пора.
И ты уходишь спешно в ночь,
Пальто застегивая в лифте.
Соседям вежливо кивнешь,
Не согрешивший, согрешивши.

«Твой пот...»

Твой пот.
Тот крик.
Твой взгляд.
Тот миг.
Это было.
Зеленых глаз
Любви слеза.
Вновь в спячку чувств
Пришла весна.
Схожу с ума, как та луна
Что спать не даст мне до утра.
Мои духи.
Мои стихи.
И трепет рук.
И сердца стук.
Это было.
От грубых рук твоих тепло.
Страсть совершает волшебство.

«Мне не трудно его приручить...»

Мне не трудно его приручить.

А что делать с ним буду потом,

С этим хитрым, ручным котом?

«Я развратна? Может быть...»

Я развратна? Может быть.

Я грешу? Возможно.

Жизнь прожить и не любить?

Разве это можно!

Жизнь прожить и не страдать?

Это грех, пожалуй.

Видит Бог, должна любить!

Все, что было, мало...

«Я никогда не курила...»

Я никогда не курила,
Правда, любила вино.
И быть любимой любила,
Да и сейчас люблю, но...
А мысли мимолетные
Вокруг тебя кружат,
Твои глаза несмелые —
В душе моей пожар.
Что ты со мною делаешь,
Не ведая того.
Я не курю, ты знаешь,
Но я люблю вино.

«Почему мужчины эти?..»

Почему мужчины эти?

Просто я такая.

Почему они смешные?

Просто я смешная.

Сколько страсти,

Чувства, горя!

Я ведь не играю,

А иначе было б пусто,

Точно это знаю.

«Одинокый мужчина...»

Одинокый мужчина.
Как живет он, не знаю.
Одинокый мужчина,
Он, возможно, страдает.
Но ему еще в детстве
Очень строго сказали:
«Помни, ты ведь мужчина!
Мужики не рыдают».

Если даже приду,
Для него я – чужая.
Одинокый мужчина,
В душу он не пускает.
Я нарушу покой,
Я ворвусь на часок.
И моя суета словно
Дегтя глоток.

«Нет уж чувства. Кончились стихи...»

Нет уж чувства. Кончились стихи.

Осень наступила. Осень.

Мне не грустно.

Просто Вы – смешны.

Мы не дети.

Вас никто не бросил.

Так не надо тихо упрекать.

И не стоит взглядом

Жалить душу.

И зачем Вам мне напоминать...

С детства знаю,

Сердце – не игрушка.

«Хочу поговорить с тобой в ночи...»

Хочу поговорить с тобой в ночи,
Когда ты далеко, и я тебя не вижу.
Наивно размышлять о смысле высоты.
Возможно, я – люблю.
Скорее – ненавижу.

Хочу перешагнуть незримую черту.
Ты – мой мираж, я – твой.
Найдешь, все исчезает.
Я руку протяну, другой дороги нет.
Не любят пустоту, – так не бывает.

Не говори: «Люблю...»
Не говори, что ждешь.
Ты лжешь, я не с тобой.
Так не бывает.
Ты тянешься рукой.
Я слышу голос твой.
А ты, ты далеко.
И голос тает.

«Где же ты, милый мой, где ты и что с тобой?..»

Где же ты, милый мой, где ты и что с тобой?
Я прогнала тебя – вот я теперь одна.
Этот характер мой – трудно тебе со мной.
А прогонять тебя, верь, не хотела я.
Я устаю с тобой – день без тебя пустой.
Если ты рядом – бред, больно, что рядом нет.
Как бы обидеть так, чтоб не пришел вовек.
Только от слов больней. Любишь ты все сильней.
Сердце стучит, – молчу, свет не включу, – усну.
Думаешь или спишь, завтра придешь – простишь.
Больше нельзя терять, много должны сказать.
Взгляды тебе и мне – только в другой судьбе.

Ты не сможешь понять – простить.
Ты не сможешь уйти – забыть.
Понять, простить, уйти, забыть.

«К чему задавать вопрос...»

К чему задавать вопрос:

«Чья она?».

Просто женщина.

Ведь ночами болеет за все.

Просто женщина.

Дочь укроет и мужа простит.

Просто женщина.

И не станет Вашей женой.

Эта женщина.

Но она умеет любить.

Эта женщина.

И к чему выяснять,

Чья она? —

Ваша женщина.

Вы любите такую,

Как есть.

Просто женщину.

Верность, мудрость,

Достоинство, честь —

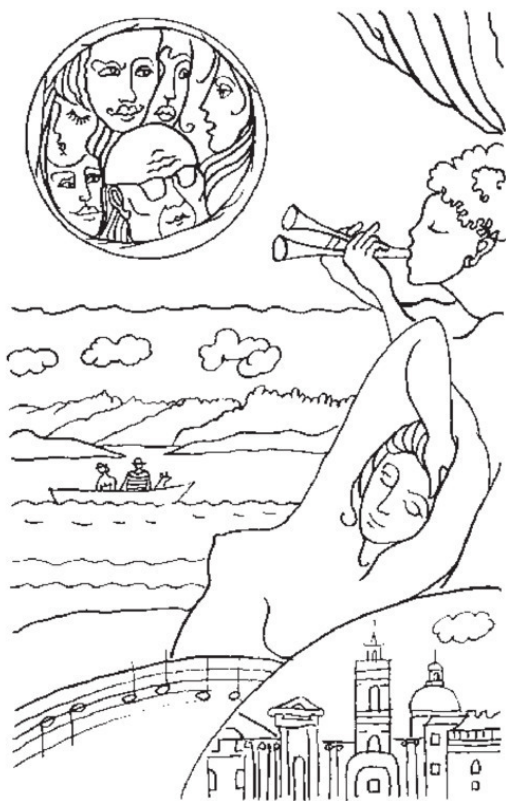
Не развенчаны.

Чужая любовь – потемки

Я и Ты

Сначала я так и думала, просто мне казалось – это я, реальная! А это он – неожиданно возникший, самый желаемый и нежный, загадочный, еще не понятый, но уже с появлением первых стихов уходящий... Это как магия: есть любовь, причиняющая нестерпимую боль, но нет стихов. Появляются стихи, уходит боль, ты исчезаешь в ином пространстве страниц...

Ты и я – это гораздо больше, чем просто мы... Возможно, это те двое, что идут навстречу, обнявшись, по другой стороне улицы, и их путь так не похож на наш. Они пройдут мимо, не разжимая рук. Возможно, это старик и старушка. Не обращая внимания на московскую грязь, выползают на солнышко посидеть плечо к плечу все на те же Чистые или Патриаршие пруды и улыбаются своими морщинистыми лицами всем влюбленным на свете. Или это те, не чужие мне, дети, которым давно уже кажется, что про любовь уж им-то известно все, и лучше, чем мне. Эти дети уверены: они взрослее взрослых и мудрее мудрых. В силу каких-то законов получилось, что моя любовь и мой «ты» оказались близкими и понятными разным людям вокруг.

* * *

Джейн лежала на горячем песке, легкая набегающая вол-

на ласкала нереальной теплотой. Вокруг ни души... Глаза закрывались от палящего солнца, но от чрезмерного любопытства иногда подсматривали за течением жизни вокруг. Цветные рыбки пытаются откусить палец, так щекотно. Маленький прозрачный крабик (морской паучок), подумав, что он один на берегу, отважно вышел на охоту, короткими перебежками продвигается от кромки воды в сторону тропических зарослей.

Неожиданно вдалеке показалась пара. Один глаз Джейн плотно притворно закрылся, второй, наоборот, усилил контроль за ситуацией. Красивые люди! Он – хрупкий, высокий, мускулистый, загорелый. Хорошо сложен, мужская сила в плечах и уверенность в походке, светлые, достаточно длинные вьющиеся волосы. Как маленькую птичку, держал он в своей огромной руке ее ладошку. Именно держал, чтобы она не упорхнула, прижимал руку с ладошкой к своему горячему телу. Свободными руками они размахивали и шли нога в ногу очень быстро, молча, но со светящимися глазами и улыбкой. Она – загорелая хрупкая травинка. Прошли мимо. Правый глаз Джейн быстро закрылся, чтобы не смущать чужую любовь. Он был очень молод, красив. Женщина источала здоровье и силу, лишь лицо предательски выдавало возраст. Она не прятала глубоких морщин, смело и мудро смотрела снизу вверх на своего спутника. Нет, он никогда не оставит свою подругу. Только однажды она упорхнет от него маленькой птичкой-душой на остров, на котором они

сегодня так счастливы вместе. Джейн поймала себя на мысли, что уже не закрывает глаза, а смотрит пристально вдаль на убегающее за горизонт солнце. Жизнь прекрасна. Чужая любовь – это неизведанная сказка. И как по-разному она приходит и уходит.

Жемчужное ожерелье

Весь следующий месяц был расписан буквально по минутам. Псков, неделя в Риме с мужем, съемки в Ялте, открытие второго арт-салона. Вчера вечером Ника вдруг вспомнила, что полгода назад звонили старые друзья и, будучи навеселе, радостно кричали про какую-то встречу летом. Ника разумно протестовала: «Нет, нет. Совсем не могу! Точно – нет!» Внезапно кто-то хитро крикнул в трубку: «Да, кстати, будет Кирилл. Представляешь, сколько лет прошло, а мы его все-таки нашли. Соберется человек двадцать, не меньше», – продолжил другой голос, не преминув, как водится по пьяному делу, значительно преувеличить. «Кстати, запиши его телефон. Ха-ха... Да он сам тебе его сейчас продиктует. Ну, чего ты там не можешь, понятно, ты ведь у нас деловая...» Щелчок в трубке, чужой, но приятный голос. Вот сейчас перед ней лежит клочок бумаги с его телефоном. Господи, он тогда, кажется, учился в седьмом классе. Ника машинально убрала бумажку в ящик рабочего стола.

Она и не собиралась на встречу старых друзей. Прошел месяц, два месяца... В конце четвертого, кажется, это был май, Ника набрала номер и тому, чужому, приятному голосу, сказала: «Привет! Я решила, что приеду, только прилечу не из Москвы, а из Рима утром, да пока точно не знаю, какой рейс». Их разъединили. Никаких звонков на эту тему боль-

ше не было. Пронеслась весна в делах, путешествиях, с семьей. В силу каких-то *непонятных обстоятельств она летит...* Рейс никому не сообщала, ни с кем не говорила. Пусть ее не ждут те самые двадцать человек. Когда-то такие близкие, почти родные, одноклассники... Она думала: «Подъеду, встану напротив кафе. Если никого не узнаю, тихонечко уйду...»

Объявили посадку. В этом городе она раньше не была. «Ничего, ерунда, возьму такси, доеду до отеля, отдохну, потом на встречу», – подумала Ника. Толпа таксистов буквально вырывала чемодан из ее рук. Она старалась не смотреть им в глаза, неслась по этому воющему коридору. Удивляясь себе, почему-то уверенно заявляла, что ее встречают. Сколько рейсов из Рима сегодня? Сколько часов ему нужно, чтобы добраться до аэропорта? И помнит ли он вообще, что она звонила, или принял этот звонок за старую школьную шутку? Глупости, его нет в толпе, так и должно было быть.

Через секунду их глаза встретились. Он держал в руках полевые цветы и улыбался. Колоски, васильки, маки, ромашки... Она засунула нос в самую середину букета и, зажмурившись, вдохнула поле. Спасибо! От него пахло свежестью. Улыбка, белая рубашка, джинсы, не лысый, не толстый, не старый, смуглый от солнца. Стало волнительно и звеняще тихо. Как тишина пронзительно звучит! Это память, память в тишине кричит:

ТИШИНЫ!

Той, первозданной,

Хотя бы секунды тишины...

Они захлебнутся в суете,

Так и оставшись неслышанными,

Исчезнут в ином измерении.

Они – Мысли, Звуки, Стихи

И Мы с Вами...

ТИШИНЫ!

Она уже плыла за ним в толпе, не думая больше ни о чем. Как в детстве, он держал ее за руку. Она не стала тянуть его в такси. И, словно сговорившись, они пошли к рейсовому автобусу. Кирилл своей мужественностью словно оберегал ее от толпы и мелких неурядиц. Отель у нее был самый дорогой, в центре города. На темы цен, привычек, образа жизни они не собирались говорить. Почему-то было хорошо молчать вместе. Завтра их пути разбегутся, может – на годы, может – навсегда. Этот день сегодня должен быть бесконечным и чистым. На нее нахлынули чувства, в подобной форме их давно не наблюдалось. Такого количества солнца и тепла не бывает в одном дне. Она чувствовала себя девочкой. Хотелось целоваться, гулять, взявшись за руки или зацепившись за ремни джинсовых брюк. Причем, не сговариваясь, они сразу это и сделали. Поцелуи те же, походка та же, глаза те же, талии – не толще... Он сильно вырос, вокруг глаз – веселые мелкие морщинки. Время остановилось. И они затаи-

лись в предвкушении чего-то нового. Ника знала: когда отдашь свою душу во власть эмоциям, то сила эмоций не несет за собой разрушения, а способна творить только Благо: создавать полотна картин, стихи, музыку. Все это она ощущала сегодня в себе. А он царил везде. Его руки, глаза, голос, обволакивающий, как паутина, тянули в мир приключений. И при этом он не совершил ничего постыдного или вольного, что приятно радовало Нику. Мальчик из 7-го Б стал мудрым, спокойным, очень волевым мужчиной. Он не сказал: «Наверное, я мешаю, располагайся, я буду ждать в вестибюле». Кирилл сказал: «Я вижу, ты ко мне еще не привыкла, буду ждать внизу». От этой фразы ее ноги вдруг стали ватными, подумала: «Нахал или я дура. Пятизвездочный отель, ничего, завтра уезжать. Кирилл такой большой, любящий... Кажется бы, лови момент. Интересно, как можно через столько лет так убедительно, в течение часа, изобразить любящего. Нет, тут нет игры! Удивительная штука – жизнь! Наше прошлое за плечами. У меня хорошая привычная жизнь, дети, любимый муж. Про него – сегодняшнего я пока вообще ничего не знаю». Мысли стали обрывочными, противоречивыми, в висках застучало... «Ушел! Шквал, Рим, самолет, аэропорт, букет, теплый город, отель. Я здесь одна, а он там, в вестибюле. Пойду в душ, вода освежит голову. Принесли вазу для букета... Ника сидела на стуле в махровом халате, с мокрой умной, но сомневающейся головой, смотрела сквозь цветы: «Ну не умею я так: в омут с головой, спустя

двести лет, а завтра уезжать». Кирилл напомнил ей доброго волшебника из сказки. И тогда, когда они ехали в автобусе, не замечая никого вокруг, и после, когда он, не напрягаясь, нес большой чемодан с нарядами от кутюр по огромной улице. Остановившись перед отелем, Кирилл тихо сказал: «Ты пойми, мы не взрослые, все только начинается». Как он наивен, может, он художник? Ника вдруг поняла, что странное сочетание его мужества, красоты, надежности и запредельной наивности опускает ее на землю. Она решила, что когда-нибудь потом все будет еще прекраснее, если это «все» не случится сегодня.

«Столько ждали, подождем еще. И в его понимании ведь все только начинается, так пусть реально это „все“ произойдет через полгода. Не сегодня».

Они гуляли до утра, дрожали, как подростки, уходили все дальше в ночь от шикарного, сверкающего зазывными неоновыми огнями отеля, погружались в глубины парков и скверов. К отходу поезда стало очевидно, что они друг у друга есть. Кирилл говорил, что любил, любит, будет любить, просил его не забывать. Поезд набирал ход. Уставший, не выспавшийся, готовый исполнить ее любое желание, он стоял на перроне и твердил, что приедет зимой. Ника с грустью подумала, что обманула себя, струсилa. Еще одна драгоценная жемчужина не попала в ожерелье. А может, наоборот, она поступила мудро? В ее огромных карих глазах вдруг появилась таинственная глубина.

– Он приедет, – произнесла она в пустоту и, поправив ручкой жемчужную подвеску на шее, слегка улыбнулась. Под стук колес рождались строки:

Он предложил море
и вино после работы.
Я – не пришла.
Если сейчас обернуться назад
и переосмыслить
Все подобные предложения,
плывущие по жизни...
Они, как жемчужины,
Могли бы составить
Прекрасное ожерелье.
Не всегда говори «нет»
Это «нет» – самое сладостное «да».
Потому, что – не повторится.
Потому, что эта случайность
Свела сегодня двоих.

Обочина

То, что с дороги показалось густым перелеском, в действительности было разделительной лесопосадкой между трассой и микрорайоном. Автомобиль стоял у обочины, подмигивая аварийками. Безумствовала весна с остатками жухлого снега, ручьями, кричащими, обнаглевшими птицами и островками грязи. Кое-где на склонах кювета уже проглядывала прошлогодняя трава с первой желтой мать-и-мачехой, ошеломляющей своей желтизной и свежестью зелени. Они, опьяненные этим весенним безумием, каким-то образом оказались рядом с разросшейся развесистой рябиной, без листвы, но с уже набухшими почками. Казалось, сейчас, под напором земных проснувшихся соков, все в природе взорвется, буйная свежая зелень поменяет в доли секунды одну картинку на другую. В висках бешено стучало, они ощущали себя подростками, способными на любые безумства. Сорвать этот весенний поцелуй здесь и сейчас, любить... Постепенно, умиротворенно-успокоенные, они стали возвращаться в реальность бытия. Дорога, машина, они охвачены весной... И в тот момент, взглянув в сторону, увидели несущегося на поводке огромного бульдога и девочку. Весь их сказочный лес, оказывается, и состоял из этих нескольких голых кустов. Огромные блочные девятиэтажки взирали на них с любопытством всеми своими окнами. С другой

стороны семенила старушка. Они, как застигнутые врасплох воришки, сползли в кювет, ближе к дороге. Выбравшись, уже не так резво, к автомобилю, посмотрели друг другу в глаза и... рассмеялись. Да, такое не забывается. Кажется, их никто не видел. Ну и увидели бы... Что ж теперь. Оставшуюся часть пути ехали молча, слушая какую-то ненавязчивую музыку.

* * *

- Они дружат, но с интимом завязали?
- Да нет. Они практически не видятся, но оставили интим...

Вечеринка

Вино, оливье, бесконечные ненужные разговоры, друзья, пары, флюиды. У некоторых так всю жизнь, а у других так когда-то было, потом надоело. В этот вечер она почувствовала к мужу К. замечательнейший, волнующий трепет. Муж К. мгновенно это понял. К. смеялась, танцевала, пела, возможно, тоже распространяя вокруг себя всевозможные флюиды. Но он – каков... Столкнувшись с ним в тесном коридорчике малогабаритной квартиры в районе туалета, она вдруг поняла, что ее целуют. Он держал одной рукой дверцу туалета, где была его жена, и при этом невозмутимо целовался с ней.

Да, они герои, они на высоте, всех обвели вокруг пальца... Еще долго беседовали о разном, чувствуя себя победителями. Но вдруг одновременно замолчали. Да, они были слишком умны, проницательны, красивы, молоды и эгоистичны. В соседней комнате давно не звучала музыка. Оттуда никто не выходил, и было очень тихо, там целовались его жена и ее муж.

Заложница

Однажды ей стало казаться, что она заложница его переводов и диссертаций. Он давно был в ее лаборатории, тема его диссертации вполне перспективная, и зарплату она определила ему довольно-таки высокую, но... Легкий роман для нее уже давно закрыт, а он не желает расставаться с сексуальными научными проработками. Все попытки с ее стороны прекратить этот пункт их отношений приводят к срыву сроков сдачи научного материала и к депрессии. Нелегко быть женщиной-руководителем. Что делать? Она поняла, что – заложница.

Уже через секунду он являет собой отвратительное сочетание масок. Своеобразный комок язвительной нервозности, презрения к людям и скептицизма. Все его неприглядные проявления скучны, пресны. Она объясняла себе это как бессознательное самоуничтожение мужчины в глазах женщины. Он бывает порой гадок в своей расчетливости, жадности, неприспособленности, лени, гордыне. Даже когда он – красив и физически гармоничен. Если для него ничто такие ценности, как мать, ребенок, женщина, – он мертв. Жаль, что те мгновения прекрасного так коротки. Правда в том, что гадким его сделала жизнь. В тех мгновениях истины – его, почти забытая, физически эмоциональная, привитая в детстве, врожденная сущность. Она бы бросила его, но каждый

раз надеется, что открытая ею картина его красоты в минуты удовлетворенной мужской слабости не исчезнет через мгновение. Отчего так несовершенен мир?

Картошка

Нина уже собиралась ложиться спать. Вдруг позвонила приятельница по работе. Дама – огонь, вечно – в каких-то партиях, профсоюзах и мужчинах...

– Ну миленькая, ну пожалуйста, у нас в конторе новенький, короче, тут маленькая компашка, да, уже поздно, но расходиться не хочется, такие ребята! Мы выпьем у тебя чайку. Хочешь, ты вообще ложись спать, мы на кухне поболтаем и разойдемся, завтра мы все равно уезжаем на картошку. Кстати, а ты не едешь? Слушай, ну пожалуйста, я тебе новенького покажу, и мы уйдем. Да, да, да...

– Только побыстрее, хочу спать...

Вот они уже сидят на кухне снимаемой Ниной квартиры. Люся чистит картошку и селедочку. Витька пытается найти штопор в пространствах полной пустоты.

– Я недавно нашла это гнездышко. Не обжилась еще, знаете ли...

На кухне чайник, в комнате матрац.

Нина, с одной стороны, всегда дико сдержанна в эмоциях, с другой стороны, каждое сказанное ею слово вызывает взрыв хохота. Все воодушевились, Люська шепнула Нине на ухо, что все супер. Совершенно неожиданно этот хваленый новенький Костя посмотрел на Нину и встал из-за импровизированного стола (доска на табурете). Чтобы его вы-

пустить, Нине тоже пришлось встать. Он явно намеревался выйти в коридор, они смотрели уже друг на друга, не отрывая взглядов. Костя вышел, держа хозяйку крепко за руку... Все тактично промолчали, а потом долго что-то говорили нарочито громко. Он был удивительный. Нина не запомнила, когда все разошлись.

Услышав краем уха что-то про всеобщий отъезд на картошку, она машинально поставила будильник на шесть утра.

Будильник звенел, как майский гром. Они сидели на единственном матрасе и с удивлением, нежностью и юношеским восторгом смотрели друг на друга.

– Сударь, вам уезжать, страна зовет.

Она долго стояла, прислонившись к косяку двери, слушала, как шумел в сонном доме уплывающий лифт. Две недели спустя Нина сидела у себя в офисе, день только начинался. Дверь с грохотом отворилась. Такой возбужденной свою хорошую подругу она давно не видела. Та вся светилась. Видно, выезд на картошку ей пошел на пользу. Она вздохнула начала молотить про картофельные дела. Мол, скука была смертная, одни старперы.

– Нет, ты ведь не знаешь, у нас в конторе новенький, он только устроился на работу, его сразу на картошку и отправили. Не... Это отпад. Если бы не он, скука была бы вселенская.

Нина молча слушала, немного сильнее, чем хотелось бы,

билося сердце. Подруга щебетала, ей казалось, что она влюблена, оказывается,

Костя не женат и вообще, это то, чего она так давно ждала. Голос звучал где-то вдалеке, а в ушах у Нины шумело море, если бы ее попросили встать, вряд ли она смогла бы это сделать. Вика не замечала того, что с ней творилось. Да, воля у Нинки, как у истинных арийцев. Тут дверь открылась, и вошел Он... Взглянув, Нина вдруг поняла, что встречи, так неожиданно начавшиеся, еще будут. «Я – это Я», – успокоила она себя. Вика тем временем вскочила, защебетала еще громче, стала их знакомить. Нина и Костя добросовестно познакомились. Кстати, у него оказалась вполне звучная фамилия...

Они встречались еще пару раз, но и с Викой он встретился не более все тех же двух раз. Он просто был молод и красив. И любил многих красивых девчонок.

Рюмочка коньяка

На него она даже особенно не смотрела. Слишком красив, раньше таких показывали в фильмах про индейцев. Загорелый, накачанный, густые, как смоль черные, до плеч, волосы. Говорили, что он врач. Он был весел, молод, до тридцати... И так упивался своей красотой и бесконечными сердечного характера победами, что трудно было представить его в роли молодого врача. Хотя, возможно, это у него в крови, и «медицина», как и другие особы женского пола, не оставалась без внимания. Все сходили с ума, воздух был пропитан разговорами о нем.

Она тем временем строила из себя дико озабоченную своими делами леди, наблюдая за всем происходящим одним глазом. Для солидности обзавелась двумя друзьями и вечерами сидела с ними в танцбаре, потягивая мартини. Они дружно делали вид, что их не интересуют интриги общества. Почему-то иногда неприлично громко смеялись, так делают весьма легкомысленные люди, чтобы привлечь к себе внимание. Один из друзей был известный адвокат, другой – коммерсант, о леди история умалчивает. Они вместе гуляли днем, заполняя весьма неглупыми разговорами вялотекущий отпуск. Каждый не отказался бы от легкого флирта, но за неимением такового посмеивался над всеобщей любовной лихорадкой, царившей вокруг.

Отпуск – странная штука: зной, запах моря и звезды делают людей безумными. Простившись со своими друзьями, она отправилась в свой номер спать. Хлопнув дверью, вдруг почувствовала, что дверь не хочет закрываться, кто-то из коридора ее придерживал, с любопытством выглянула... И так с разинутым ртом и осталась на несколько секунд. Все остроты, веселость, кокетство и ехидство последних дней мгновенно испарились. За дверью стоял он, супермен-врач, и мило улыбался. Не дав ей опомниться, он выпалил: «Все время хочу вас поймать, но вы неуловимы, не заглянете ли ко мне на огонек, поболтаем».

«О, да!» – мгновенно выпалила молодая женщина, а он, как Старик Хоттабыч, быстро испарился. Теперь дверь закрылась легко. Она стала нервно размышлять:

«Терпеть не могу красавчиков, а за ним уже вторую неделю носятся толпы девиц. Противный, наверняка врач-двоечник, да еще может подумать, что я струсил! Поговорить? О чем? О погоде!» Откуда-то возникла непростительная уверенность, что можно отделаться легкой непринужденной беседой и с достоинством удалиться спать. Да, ситуация неожиданно смешная. Хотя, вопреки своим правильным намерениям, метнулась почему-то в душ, вывернула все из шкафа. Сердце колотилось, как у затравленного кролика, она делала все не так. Через десять минут ей стало ясно, что попала в капкан. Наверное, он был врачпсихотерапевт или, что еще смешнее, сексопатолог.

Он нагло и очень интеллигентно улыбался. Он был великолепен. Как индеец, мягко ступал по ковру, зажигая свечи. Абсолютно спокоен, в него нельзя было не влюбиться. Она еще сопротивлялась, пытаясь выискать в нем недостатки. В ушах звенело. После того как громом прозвучало предложение откусать коньячку и шоколадку, она почувствовала себя полной, увы, душой. Ужас, надо бежать... Ему же, напротив, с каждой минутой становилось все интереснее. Отвратительный терапевт внимательно следил за каждым движением незнакомки. А она с ужасом подумала, что лифчик и трусы из разных гарнитуров, а под брюками – жуткие гольфы, которые оставляют глубокие дурацкие следы на ногах, и кстати, о ногах... Она ненавидела себя за свой наив, неуверенность, казалась себе маленьким гадким утенком. Он же действительно хорошо знал и понимал женщин. Значительно чаще к нему в сети попадались прожженные тигрицы, да почти всегда. Он вдруг стал каким-то простым и уютным. Они долго болтали и пили коньяк. Он хотел ее целовать, она не стала с этим спорить, а потом оторвал ее от пола, покружил под музыку и сказал: «Воробышек, иди спать и будь осторожнее». Сейчас она думает, что он все-таки хороший доктор, врач-терапевт...

Вместе

Они офигенно смотрятся вместе... Первые минут пятнадцать-двадцать. Когда начинаешь присматриваться, что-то напрягает. Вот она уже шипит, как змея.

Он начинает отвечать тем же, или, что еще печальнее, подхлюпывать и подскуливать. Хотя его красивый и мужественный внешний вид совсем не подразумевает слез. Но, возможно, ему действительно плохо, вдруг он реально заболел... Но в ней нет ни крохи милосердия, она не знает слов: «жалко», «заботиться», «жертвовать собой (своим временем, развлечениями, пищей, сном) ради...». Что это, эгоизм временный или это навсегда? А как же старики? Да, пока молоды их родители. А животные, а дети. Ведь в жизни все только любовью за любовь... и наоборот. Но это знаю я, а она? И почему он все время плачет? Такой красивый и мужественный. Почему не хочет он трудиться в полную меру своих сил, зачем надеется на влиятельных родителей. Как будет жить дальше?

Они так хорошо смотрятся вместе. А что потом? Всю жизнь держаться за это «хорошо смотримся»? А копни глубже. Жаль, что в них так много эгоизма. Но, возможно, им легко и спокойно. Возможно, это только мне, с моим восприятием жизни, многое непонятно. Легче без жалости и со-

страдания, думая только о себе, о сиюминутных потребностях, переступая через всех, идти вперед. Я же иногда ползу к своей цели. Они, вероятно, быстрее доберутся до высот или их высота не достигнет даже нулевой отметки? Как знать? Но пока они очень хорошо смотрятся вместе...

Знаете, другие – из такого же теста, порой беспредельно избалованные – мне кажутся и целеустремленнее, и менее эгоистичными. Попадают среди них воспитанные, способные сострадать, чувствовать не только себя, но и окружающий мир... Так неужели эти двое действительно на всю жизнь созданы друг для друга? Их жизнь – сплошной вулкан, окружающим лучше сматывать удочки и бежать прочь, быть подальше. Но как же они хорошо смотрятся вместе!

Поддерживать отношения с мужчиной только потому, что неплохо с ним смотришься, или в силу того, что он обеспечен, имеет влиятельные тылы, или, к примеру, он хороший врач и неплохо иметь его при себе, или он умеет вкусно готовить, – все это в тысячу раз безнравственней, чем проявление обычного эгоизма. Но надо же и эгоисту иметь силы и мужество говорить «нет!!!». Не тогда, когда тебе стало как воздух необходимо разорвать эти утомительные отношения, а на полсекунды раньше.

* * *

Сумасшедший, опять звонил, сказал, что она у него есть, благодарил за это. Как такое может быть, они не виделись

тридцать лет. Странно, за час до его звонка она сама почему-то набирала его номер. Но запутавшись в городах, кодах и времени, услышав гудок в никуда, оставила эту затею. Даже забыла на миг, что собиралась ему позвонить. Он об этом так и не узнает, будет думать, что лишь он раз в году набирает ее номер... Да, сказал ей, что сегодня ночь Ивана Купалы. Погрузившись в водное пространство разных широт, они – опять вместе.

Переводчица

Это было давно, в маленьком портовом городишке. Она с мужем приезжала туда каждый год, как на летнюю южную дачу. Уже сложились традиции, привычки, любимые маршруты, пляжи, кафешки, ресторанчики. Казалось, что за холодную долгую зиму все эти места начинали без них скучать. Вкусив теплого моря, набродившись до полного изнеможения, они сели обедать на открытой веранде одного из своих любимых ресторанов. Вид потрясающий. Море, набережная. В порту – огромный пароход. Множество туристов и отдыхающих. Детей, взрослых, местных и приезжих. Одним словом, жизнь летит, наблюдай не хочу. Заказав обед и налив по бокалу местного вина, они расположились поудобнее и с умиротворением созерцали... За соседним столиком возникла еще одна пара. Он был, вероятно, иностранцем с большого парохода, а она, судя по всему, переводчица-гид. Шикарно говорила по-английски, бегло, эмоционально. Очевидно, имела неплохое образование: историю и географию родного края преподносила грамотно, со вкусом. В курортных местах много переводчиков, гидов, но эта мне как-то особенно понравилась. «Молодец!» – подумала я. Даже возникло чувство гордости за отечество. Когда профессионал на своем месте – это так здорово. Знай наших. Раньше, бывало, пасовали мы перед иностранцами. Смотришь на разных те-

ток-кошелок, ну – тюхи-матюхи. Знаний в голове – ноль. Ни вкуса, ни формы, словно они не женщины, а так, приложение к музеям и достопримечательностям нашего уникального края. А тут – есть чем гордиться. Муж быстро переключился на изучение кулинарных способностей местного повара. А я то и дело прислушивалась к жизни за соседним столиком. Они явно привлекали внимание. Девушка светила молодостью, а он – зрелой мудростью. Я сказала мужу, что, видимо, она не только переводчик для нашего гостя. Мужчины не очень любят прислушиваться, подсматривать и обсуждать! Не все, конечно, но мой муж категорически не одобряет подобного. Но в данной ситуации и он оторвался от трапезы и бросил внимательный и умный взгляд на соседей. Потом улыбнулся и сказал: «Ну и отлично, здорово, что ж в этом плохого». Да и я почему-то рада была чужому, возможно мимолетному, счастью. Хотя как знать... Вот приехал за золушкой принц заморский. Возможно, у них там и нет таких красивых, добрых, умных женщин. Соседка встала и показала спутнику, как хороша в новом платье, видимо только что подаренном. Им принесли вино, он ее фотографировал. Она отличалась от многих своих подруг-соотечественниц еще и какой-то дипломатической сдержанностью, вкусом, тактом. Точно, МГИМО закончила, вот она какая доля женская. Сколько их – одиноких, красивых, умных. Иностранец взял ее за руку, смотрел ей в глаза, пил вино и молчал. Она тоже затихла. Показалось, что и на набе-

режной стало как-то тише. На открытой веранде ресторана – тень и прохлада; над морем и набережной – солнце в зените и зной.

Иностранец полез в карман льняной рубахи и достал маленькую ювелирную коробочку – кольцо. Надев его на грациозно подставленный пальчик, он улыбнулся. Мой муж вдруг сказал, как приятно любому мужчине делать женщине подарки. В особенности если ты не беден, а она так хороша. А для чего он их зарабатывает, эти деньги? Это, собственно, и есть некий символ мужской силы и женской слабости. Мне очень хотелось, чтобы наш герой увез девушку с собой и они были счастливы. Мне очень не хотелось встретить ее с другим гостем с большого парохода в этом же ресторане через год. Мы встретились с ней взглядом и заговорщически улыбнулись друг другу.

* * *

Мужчины... Если их делят на однолюбов и бабников, то это неверно. Ни один однолюб не уделяет весь свой внутренний мир ей одной. Порой присутствует еще более сильная, чем у бабников, страсть. Это или любовь к шикарным автомобилям, или влюбленность в некий свой спорт, возможно, охоту, рыбалку... Как часто для художников и музыкантов холсты, краски и звуки затмевают ее, ту единственную, возможно, изначально – музу...

* * *

У него всегда было множество женщин. Что в нем такого особенного, нет же, они сходили с ума! Многие знали про существование друг друга, страдали и ревновали. А он – преуспевающий, уверенный в себе, веселый. Да нет, не нахал, даже, пожалуй, наоборот. Добрый, женат, очень внимателен. Но не мог он без них, таких разных... Водоворот, жизнь бьет ключом, он герой...

* * *

Она мыслями уже была где-то очень далеко. Ловила машину и собиралась уезжать, оставляя его одного на автобусной остановке.

Тысячи раз он делал то же самое, оставлял их, стараясь не смотреть в те глаза. Оправдываясь, что это не от него зависит, такая, видно, судьба, и тому подобное. И вот, сейчас она говорит ему его же привычные дежурные фразы. А он готов разрыдаться как ребенок, только бы не отпускать ее больше никогда в никуда, в эту чужую и закрытую для него жизнь. Кажется, каждая из тех, кого он так же безжалостно оставлял в ночи, каждая готова была стать его женой. А вот сейчас в мужья-то его и не хотят. Она еще будет у него какое-то время, и он сможет говорить ей: «Моя!» Но уж слишком она свободная. Не все грани ее многогранности в силах ему охва-

тить. Такси уезжало в ночь, он еще долго стоял на автобусной остановке.

Авантюрист

Она вызывала у него вечные желания. Появлялась... Желание бродило вокруг нее, заполняя любые пространства. Он, как истинный джентльмен, не мог дать этому бурному желанию умереть на корню. При любых, самых нереальных, обстоятельствах он добивался своего. Ее веселила, будоражила такая сексуальная игра. Она придумывала все новые и новые необычные ситуации. Скучная размеренная жизнь вдруг приобрела смысл. Появилась цель. Теперь было понятно, куда идти, для чего наряжаться.

Иногда говорят: «Подумаешь, окружающие, надо и для себя самой выглядеть отлично...» Нет, это абсурд стараться для себя одной! Она – женщина молодая, шикарная, так пусть будет для него... Подумаешь, какая ерунда, ну старше этот сегодняшний герой лет на 15—20. Проверено, таблетку...

Он, похоже, старше моего отца.
Дьявол, рядом с ним бегут
по спине мурашки и слабеют ноги.
Давно такого не было.
Хочется принести ему
нитроглицерин,
а потом заняться любовью...

Его хотелось. Может быть, от скуки... Нет, он реально выгодно отличался от других мужчин. Был оригинален, нагл, элегантен, его авантюризм подливал масла в огонь. Конечно, в чем-то он – подлец, но женщин не поймешь, не тянуть же за собой скучную амебу. Да и не с ней все эти, плохие по общепринятым нормам, качества он проявлял. Ее он уважал, ценил, хотел, добивался, мучился, в общем, носил на руках. Они даже придумали для себя такую игру, что все его муки, связанные с любовными переживаниями, ниспосланы ему в наказание за предыдущие тяжкие грехи. Кстати, о которых почему-то все наперебой стремились рассказать ей. Она не слушала никого. Зачем... Утром, как на работу, она вскакивала по будильнику, приводила себя в порядок и, выбрав убийственно элегантный или явно эпатажный наряд, неслась к своему дедушке. Да, так и не смогла называть его по имени. Это, в особые минуты, придавало особую пикантность процессу. Иногда он переоценивал свои возрастные способности, и она мчалась на кухню за корвалолом. Говорил, что таких ощущений у него по жизни ни с кем не было. Она удивлялась: такой большой – и не было! Странно.

Совещание в его офисе. Вдруг она промелькнет мимо открытых дверей, изысканная, не вульгарная, сама невинность, божество. Он строго, подчеркнуто сдержанно, скажет сослуживцам: «Извините, мне на 15 минут надо выйти». И возвращается обратно ровно через 15 минут, бледный и взволнованный. Она тихо и элегантно уезжала. Никто не слышал,

как безумствовал в ее голове адреналин. Как будто ничего и не было в этой соседней с его кабинетом комнате. Но если эту энергию двух безумных авантюристов выпустить наружу, в офисе бы лопнули все лампочки. Уже дома, уютно расположившись в кресле, она наливала себе бокал вина и загадочно-неповторимо улыбалась. А он, сказав, что совещание окончено, снимал галстук и, глядя в сторону уехавшего автомобиля, закуривал сигарету. Не знал, куда спрятать галстук... И опять ее хотел, дико хотел... Он не мог с ней гулять вот так, не мог... Но гулял. Она его мучила, получая от него все, что ей позволяли наглость юности, неосознанный эгоизм. Таких адских и сладостных летних каникул у него еще не было и не будет. Девочка уедет, подрастет. Для нее все ново, приятно, а остальное – не важно...

Изменятся нормы и взгляды, придет другая эпоха. Будут новые радости, новые запреты... Но оба они будут вспоминать эгоизм плоти, эту силу молодости, желаний, женского торжества и безумия мужского.

* * *

*Развесить ишторки-мулечки.
Расставить свечи-тарелочки и ждать,
Когда он войдет и... не оценит все это.*

* * *

Любя такое количество женщин, он успевал о них еще и заботиться. Он не стеснялся говорил: «Мне нужно в больницу к Свете». Целовал на прощание и убегал. Если что-то покупал, то глобально, например сразу трех кур. «Надо завести девочкам, ведь я теперь с тобой, а жизнь сейчас такая тяжелая». Очень, очень порядочный мужчина.

Праздники

Он поступил нечестно. Всегда говорил, что женат, а это означало, что она не несет никакой ответственности за его жизнь. Она только маленький или, уж если ему так хочется, очень большой, праздник. И вот тебе на...

Оказывается, они давно хотели развестись и лишь из-за дочери этого не объявляли своим родственникам. И вот теперь, так как ему очень понравились их маленькие и большие праздники, он созрел и всенепременно решил на ней жениться. Кошмар! Да, праздники – и для нее тоже праздники, и там нет никакой фальши. Но есть еще очень много поглощающих ее разностей, кроме их праздников, неприкосновенное... В какой-то мере это ее трудности и ее свобода одновременно. Зря изначально он не сказал всю правду о себе, зря...

Ничего не менять...

Обычно он ждал ее на перроне. Стоял у первого вагона в своем стильном пальто, с дипломатом, читал газету. Это случайность, что жили они на одной ветке метро. Здорово, можно было чаще видеть друг друга.

Она работала дальше от метро и появлялась на пару поездов позже.

Чаще была одна, иногда с кем-то из сослуживцев. Они молчаливо взирали друг на друга, остальное – несегодня. Смысл дня: проехать в метро в одном вагоне – такая вот маленькая тайна. У другого дня тайна будет другая. Они, тихо раскачиваясь в такт колебанию поезда, смотрели друг на друга поверх голов и газет. Наследующей остановке заходила в вагон его жена. Он целовал ее в щеку, брал из рук сумку, они что-то начинали обсуждать. Он продолжал спокойно и тихо смотреть поверх голов и газет. В другом конце вагона ему отвечали таким же все понимающим взглядом.

Через одну – его остановка, она ехала дальше. Им было хорошо и спокойно.

Поболтать по телефону можно будет завтра во время работы.

Ничего не хотелось менять в своей жизни...

Они иногда встречались после работы, просто чтобы прогуляться и поговорить. Им было интересно вдвоем. Одинаково ощущали биение улиц, наблюдали жизнь и испытывали определенную взаимную нежность.

Большого количества времени для прогулок у них не было, иногда весь вечер просто молчали, но это окружающим могло казаться, что они молчат. Внутренний голос говорил непрерывно. Иногда становилось весело, смеялись. Гуляли по бульварам, сидели в парках, ходили вдоль набережной Москва-реки. Слегка обнявшись, держась за хлястики джинсовых брюк, они выглядели как подростки. Хотелось шалить, немного кричать и целоваться под желтым фонарем. Ведь если ты уже взрослый, совсем не значит, что тебе нельзя шалить, например пинать ногой камушек или говорить всем прохожим: «Добрый вечер!»

Вдруг совершенно неожиданно он сделал легкое отталкивающее движение. Нет, нет, не так, чтобы упасть. А чтобы непроизвольно сделать шаг в сторону. Он всегда был необычайно внимателен, и она быстро и верно отреагировала на эту непредвиденную ситуацию. Со стороны могло показаться, что эти двое не вместе. Он ускорил шаг и перешел на другую сторону улицы. Она медленно шла, как и раньше, и даже приостановилась у одной из витрин. В отражении было видно, что к нему подошла девушка, они громко и бурно здоровались. Та не могла перестать удивляться, что видит

его в столь неожиданном для него квартале Москвы, он что-то принялся объяснять, дескать по работе и т. п. Незнакомка, распрощавшись, сказала:

«Вечером позвоню». Он быстро догнал свою первоначальную спутницу.

«Подруга жены...» Он явно был смущен случившимся. Они тихо шли дальше, молча, как обычно.

Ничего не хотелось менять в своей жизни...

Ремонт

Чтобы не испачкаться в строительном мусоре, они делали это стоя, под болтающейся на потолке, в центре комнаты, лампочкой. Большие газетные листы прикрывали свежеложенный паркет. Стены еще не высохли. На окнах белели пятна извести. Даже шубу положить было не на что.

Один последний рабочий гвоздь в дверном наличнике и один заляпанный краской табурет. Скоро, скоро это все уберут, и уютная свежая комната заживет новой жизнью. Он был таким спортивным и жилистым, что ухитрялся стоя держать ее на руках, вытворял при этом чудеса сексуального искусства и, не теряя равновесия и самообладания, не забывал об обоюдном удовольствии. Да и она, видимо, родилась в цирке и просто умирала от его выкрутасов, все более и более оригинальных раз от раза...

* * *

Ревнует, достает и мучает человек, который на это не имеет ни малейшего права.

Это – шантаж, физический и духовный.

* * *

В то время, когда ровесники, бегая по спортзалу, впада-

ют в подростковый период, глазают (да и не только глазают) на молодых девчонок, на все готовых ради загранпоездки или сумочки от Gucci, мужчины постарше говорят: «Ах! Какая женщина!» А те, кто помоложе, нагло напирают, требуют любви, готовы доставлять райские удовольствия, носить на руках. Если вдруг простуда, покормить с ложечки. Они устали от глупых малолеток. Они молоды, интеллигентны, тактичны, выдержанны и искусны в любви.

* * *

Он почувствовал соперника, как чувствуют бедствие; как приговор. Когда еще ничего не было. И был прав. Они поменялись для нее ролями, теперь один из них должен исчезнуть. И так было у нее с каждым. Пройдет год-два, и кто-то новый ощутит тот же привкус предстоящей разлуки. Ощутит заранее, когда она сама об этом еще не думает. Возможно, мужчины раньше самой женщины чувствуют приближение измены. Уходил один. Появлялся другой. Однажды ей сказал друг, что кое-кто из ее окружения ей небезразличен. Вздор! Сказал за два года до события и не ошибся. Как они это чувствуют?! Тогда тот, новый, был ей незнаком, неинтересен, даже смешон. Но два года спустя действительно вспыхнул костер. А старый друг, горько улыбаясь, ушел.

* * *

Любить молодую, юную, красивую – легко.

Любить умную, зрелую, прекрасную – особое искусство.

Не каждый мужчина обладает умением и терпением любить взрослую женщину.

Сын!

Вечером Инга заглянула в свой планинг и поняла, что сегодня явно переусердствовала.

С 12:00 до 13:00 – силовая тренировка с 13:00 до 13:30 – бассейн

с 13:30 до 13:40 – солярий

с 14:00 до 15:00 – косметолог.

Перебор. Она еще хотела с 16:00 до 17:00 позаниматься спортивным силовым массажем, но сломалась на бульоне с салатом. Салат отличный, овощной, помидоры в этом сезоне ароматные. Когда салата слишком много, Инга называет его «обширный», но не съесть не может... Хороша нынче и клубника. Да и молодая картошечка удалась на славу. Инга вдруг с легким раздражением вспомнила свой визит к косметологу, резко отодвинула в сторону тарелку. Подошла к зеркалу, покрутилась, и, уже с улыбкой, сбросив стильную темную челку со лба, сказала своему отражению:

«Да эта девица, косметолог, просто сошла с ума. Что значит – сын?! Я так классно сегодня выгляжу. Я вешу меньше пятидесяти пяти килограмм. Мне впору мои школьные вещи, у меня нет морщин на лбу, ни разу не делала ботокс. У меня шикарные огромные глаза. Модная эпатажная одежда. Да мне самой лет двадцать, а не ему. А она – не в бровь, а в глаз. Ну да, по возрасту мог бы быть и сыном, так кто

сейчас про возраст спрашивает. Ну и ради кого, собственно, я к этой мымре хожу, сижу с маской на физиономии, мани-кюрюсь...»

Инга вернулась к столу. Картошечка остыла, есть расхотелось. Мысли вертелись в голове. Подумала:

«Надо было все-таки ответить: „Да, бабушка, это мой сын, хороший мальчик. Хотя она, видно, моя ровесница. Вероятно, из ревности и зависти вставила едкое словечко про сына. Что ж, буду играть роль мамыши до конца. Да, очень хороший мальчик, сейчас такое беспокойное время, страшно за детей, не дай бог, плохая компания... А этот вот сынок сидит и тихо ждет, с работы всегда встречает“». Постепенно Инга вошла в образ, но, почувствовав несвойственную ей злость, жажду мести, сказала себе: «Стоп. Чего я злюсь? Не прошло и двух часов после досадного недоразумения, а я стала еще краше». Инга вспомнила, как бережно сынуля взял из ее рук сумку и взамен протянул розу. Интересно, мымра это видела? Вообще наплевать. Скорей всего, он, действительно, очень интеллигентный, воспитанный мальчик. Наверняка будет смеяться, если узнает о потоке ее мыслей и о том, что с ним она реально чувствует себя лет на двадцать пять – тридцать, оттого и болтает всякие глупости, словно они ровесники.

А вообще, кто его знает, о чем он там думает... Нахал!!! К чему эти штучки с розочками, ожидания и прогулки якобы

делового характера.

Мамочка очень и очень сердится. Взять бы и спросить в лоб: «Что ты думаешь о наших отношениях?» Воспитанный мальчик ответит: «Маменька, что вы, какие там отношения». Прикол. Холодный душ, очки и зеркало – три раза в сутки. Лечит от глупостей.

Банщик

Она приехала в этот светлый город зимой. И просто захлебнулась холодным морским ветром. В квартирах топили весьма неуверенно. Выяснилось, что и горячей воды хватает лишь на утреннюю чистку зубов. В остальных случаях воду надо кипятить и, подпрыгивая на цыпочках в промозглой ванной, совершать водные процедуры, а потом, покрываясь гусиной кожей и скукожившись, как старушечка, судорожно облекать себя во все содержимое чемодана. Через пару дней она зашла в одну из достаточно новых в городе гостиниц с целью пообедать в гостиничном ресторанчике. Тогда все только начинало бурно и стремительно меняться. Над дверью уже красовалось слово «Отель». А рабочие думали, размещать им четвертую звезду или оставить три (словно звездность подобного рода именно рабочими и присуждалась).

Обед оказался на редкость вкусным. Она уже совсем было собралась уходить к себе домой, в вечный холод, как вдруг увидела на одной из дверей отеля слово

«Баня». На всякий случай решила спросить, есть ли в бане горячая вода, получив в ответ весьма конкретное, не лишнее сарказма, предложение девушки-портье:

«Да! А что? Хотите записаться? Пожалуйста, сейчас или когда вам удобно?» «Вечером», – выпалила героиня. Надежда на то, что перед сном, хоть и придется идти через дорогу,

некоторое количество тепла будет обеспечено, весьма окрыляла.

Неведомо почему, она всегда чувствовала себя взрослее, серьезнее и строже, чем была на самом деле. Говорят, в детстве она, проходя под волейбольной сеткой, сгибалась в три погибели (как это делали взрослые), думая, в своем трехлетнем возрасте, что заденет сетку головой. Стрелки часов приближались к намеченному часу.

«Пора идти», – сказала она сама себе. И вдруг ощутила какую-то досаду, в этот холодный зимний день опять почувствовала себя куда старше и строже, чем это бывает на пороге двадцатилетия. За дверью с вывеской

«Баня», ставшей вдруг отелем с устойчивыми тремя звездами, стоял юный улыбающийся банщик. Он парил веники, поддавал жару, кипятил чайник и доставал из шкафчика мед. От крымской лаванды и его шокирующей юности голова пошла кругом. Ну не просить же замены банщика... Этот явно соответствовал уровню отеля, не важно, с каким в конечном итоге количеством звезд. Простыни шуршали, веники летали, она розовела и млела. Он профессионально выгонял промозглость последних дней, заметив между делом, что можно и массаж, а еще и с вызовом на дом...

Остаток отпуска рука не раз тянулась к телефону. Одна в пустой квартире... Да, массаж, это то, что было бы сейчас весьма и весьма для души и тела. Мысль о приветливом,

неглупом банщике заставляла ее краснеть. Но удобно ли, ведь она такая мудрая и взрослая, а он такой молодой. Года два спустя, проводя отпуск в том же приморском городе, она узнала, что в отеле напротив

банщиком работает все тот же юноша, зовут его Павел и он старше ее лет на пять. Непонятно, почему возраст в юности имел для нее такое большое значение в случае романтических знакомств. Сейчас это кажется смешным, подумаешь плюс-минус пять лет, а то и десять. Но, собственно, к чему вдруг об этом?

Новые краски

Они неожиданно для себя совпали. Его и ее родственники отчалили на дачи. Они уже успели привыкнуть к своим ежедневным прогулкам по московским переулкам, улицам и набережным на протяжении последних пяти-шести месяцев. И вдруг – как гром и молнии – сразу две свободные квартиры. Решили посидеть вечером у него за чашкой чая. Посидеть? Конечно, все это время хотелось остаться наедине, вдвоем, без посторонних глаз, но сегодня она сомневалась, так ли сильно хотелось или это только казалось из-за уже ставших закономерностью несовпадений. Дополнит ли этот вечер их отношения новыми красками? Похоже, что ему было хорошо, ему ничего не казалось, он ни в чем не сомневался.

Она не предполагала, что он так много курит. Его активность явно не сочеталась с ее романтизмом. Сизый дым от сигарет заполнял кухню. Он слишком много говорил, бесконечно пил чай и постоянно приглашал обратно в комнату. Казалось, эта ночь никогда не кончится.

«Как некстати разъехались наши родственники», – подумала она. Что-то изменилось. Разбираться, какие краски добавились в отношения, не хотелось. Они больше не гуляли по улицам, бульварам и набережным.

Пробуждение

Для себя она знала, что у нее их двое. Двое – в одном мужском теле: Дух и Плоть. Сегодня первый был немного сонный, уставший. Его светловолосая голова, с разметавшимися по подушке волосами, дремала. Красивые длинные ноги, словно уходя от духоты, лежали поверх одеяла. Руки иногда пытались обозначить свое присутствие, но, шевельнувшись, снова крепко засыпали.

Она не спала, но сладкая истома не давала ей пошевелиться. Лежа на животе, повернувшись лицом в сторону лоджии, она следила за игрой солнечного луча, струившегося через шторы. Ее обнаженное тело, красивое и сладко манящее, нарочито не желало прятаться под одеяло. Повернувшись к нему слегка ноющей от предвкушения спиной, талией и всеми иными своими нежностями, она старалась не тревожить Дух. Одна ее рука, потеряв терпение, без разрешения на то... пошла к Плоти. Второй не спал! Он гордо подрагивал в своей крепкой величественной красоте, влажный от нетерпения, готовый сотворить чудо, дожидаясь пробуждения хозяина.

Вдруг он – замер! Встреча плоти с ее рукой заставила Дух застонать. Но крепкий сон все еще не отпускал первого из своих объятий. Она не шевелилась. И только рука ласково шепталась со своим другом.

Неожиданно – первый – перевернулся в полусне, укрыл своими большими, женственно нежными руками все, что так соблазнительно и выразительно смотрело на него, играя в солнечных лучах. Его руки, покрыв эту мягкую и ароматную упругость, уже не могли более спать. То слегка поглаживая, то крепко до боли сжимая восхитительное блюдо, руки скользили к талии и ниже. Теперь стонала она. Далее руки разбегались по двум ее красивым загорелым ногам. Когда они медленно возвращались назад, ее сердце уже взлетало в небеса. В висках звучали множественные молоточки и колокольчики. Забыв об осторожности, ее играющая рука крепко сдавила второго, что заставило все мужское естество пробудиться. Первый и второй, став наконец единым цельным и прекрасным, обьяли ее бедра и, сжав руками маленькую грудь, не давая ей возможности взглянуть на развернувшуюся стихию, проникли туда, где стучало и билось особенно сильно то, что называется жизнью! Она уже не чувствовала более своих рук, тело подчинилось незнакомым ритмам и, независимо от нее, пело удивительную песню.

Как он красив в минуты своей удовлетворенной мужской слабости, красив на коленях перед женщиной, его богиней, красив, именно в эти мгновения, своей нежностью и спокойствием.

Нет, весна – это просто весна...

«Сегодня мне приснился ветер...»

Сегодня мне приснился ветер...
Безумный, юн и свеж,
И все мои печали,
Шутя, сквозь тучи, уносил...
Шумел, да бесконечно говорил
Про то, что в жизни есть очарование,
И в это верить он меня просил.
Вдруг – с дерзостью
Дарил цветов дыхание...
А я, в свои сомненья погружаясь,
Задумчивой и грустной была.
О, юный ветер, ты прости,
Но я ведь знаю,
Что за тобою вслед
Придет весенняя гроза.

«Ночь...»

Ночь.

Мы ждем с тобой, когда
Придут снега и горная река
Укроет водопадом грудь,
Вздохнет, попробует заснуть.
Но звезды отражаются в воде.
Нет сна.

Ночь.

Ты почему-то не ушел сегодня в дождь.
Не стал опять мне говорить, что одинок.
И мы с тобою вместе двести лет,
Так долго не живут, но если
Полететь к тем звездам, что не спят...
Нет сна.

Ночь.

Я точно знаю, что потом придет рассвет.
Он как река продолжит лунный свет,
Позволит звездам в тишине молчать.
И мы с тобой
Увидим звездный путь.
В сиянии луны нам не уснуть.
Ночь.

«Не хочу, безумная, спешить...»

Не хочу, безумная, спешить.
Не хочу быстрее, чем можно, жить.
Хорошо, что не растаяли снега,
Долго не было в душе моей тепла.
Не спешу. И прогоняю суету.
От тревог тебя уберегу.
Если нужно, помогу.
Я неслышно помогу и убегу.

«Ты любил, ты уснул...»

Ты любил, ты уснул.
Так красиво любил
В сотый раз.
И все сказочней
Безумный рассказ.
Ты уснул, ну так спи,
Разбудить не проси,
Не ругайся потом.
Ушла, меня позвала
ТИШИНА,
А она так нужна.

«Свеча, такая гордая...»

Свеча, такая гордая,
Сгорала от стыда...
Она вчера все видела —
И прятала глаза.
К утру, устав, растаяла, —
Не скажет никому,
Какой со мной ты ласковый,
Как я тебя люблю.

«Два дня без него...»

Два дня без него.
Два дня тоски и пурги.
В бассейне – круги от брызг,
Упавших с руки.
На небе – круги от звезд,
Слетевших с орбит.
Два дня без него скучать
И думать, сейчас позвонит,
Деревья считать,
Гонять обнаглевших ос.
Пустить в свой сад стаю птиц.
От вселенской тоски не одолеть
В книге и двух страниц.
Два дня ещё тупо ждать.
Бояться, что кто-то поймёт,
Что свет горит для него.
А мысль о нём спать не дает.

«Нас только двое...»

Нас только двое
Поверь мне, друг,
Мне хорошо,
Когда нас двое,
А их нет.
Мне так спокойно.
Молчу, мой друг.
Смеюсь,
Твою улыбку прочитав.
Нахмурюсь,
Вижу тень в твоих глазах.
Смысл мыслей наших не в словах.
Мне хорошо, мой друг,
Когда нас двое.
Я не ищу знакомств пустых.
А если нет тебя,
О чем-то размышляя,
Я в одиночестве слагаю стих.

«Я, кажется, уснула...»

Я, кажется, уснула.
Ты слышишь, не звони.
Уснули тело, мысли,
И, кажется, стихи.
Звонок твой среди ночи
Не пробуждает чувств.
Ты извини, но завтра
В реальность я вернусь.

«Ласкать, когда хочу...»

Ласкать, когда хочу.
Рукой опять пропорхнуть
В темноте, везде.
Узнать всё, что знаю давно,
Целовать.
Так сделать, чтоб ты стонал
От нежности душевной, рыдал.
Так хочется мне летать,
С тобою в неге парить.
В тебе раствориться, заснуть.
Во сне всё сто раз повторить.

«Душит нежность, хочу закричать...»

Душит нежность, хочу закричать.

Но могу тебя напугать.

Может, просто тихо обнять.

Разбужу, ты станешь ругать.

Над тобою тихо умру,

С легким стоном,

Улыбку храня.

Душит нежность.

Нет, я закричу:

– Ну зачем ты есть у меня!

«Глупые коровы сладкий луг жуют...»

Глупые коровы сладкий луг жуют.
Юная пастушка с пастухом – поют.
Белой сладкой ватой облака висят.
Свекла да капуста выстроились в ряд.
Разоделось поле в маковый цвет.
У картины этой сказочный багет:
Лес зеленой хвоей обрамляет луг.
Глупые коровы к вечеру уснут.

«Разгадаю твой сон под ресницами...»

Разгадаю твой сон под ресницами,
В уголках – извечную грусть.
Ты уснул, целуя ладони,
Я застыну, чтоб сон не спугнуть.

«Я купила случайно...»

Я купила случайно
Собачку-игрушку.
На ладошке поместится
Счастье белого плюша.
В детстве я не играла,
Взрослой стать поспешила,
А вчера втихомолку
Вновь игрушку купила.
К двери лифта спешу,
Вся в заботах своих,
А в кармане моем
Собачонка сопит.
Под подушкой лежит,
Чтоб никто не узнал.
Я с игрушкой усну,
Спи и ты, ты устал.

«Как же мне тебя не любить?..»

Как же мне тебя не любить?
Пахнешь ты опять мандаринами.
Ну зачем поднял, отпусти!
Я уже поверила, – сильный ты.

Не кружи так быстро, боюсь.
Сумасшедший, брось целоваться.
Мы сейчас с тобой упадем,
Я хочу живою остаться.

«Я без тебя опять скучаю...»

Я без тебя опять скучаю.

А почему так, вновь не знаю.

Вдруг не придешь, не позовешь,

Убив надежды все на встречу.

А вечер так, поверь, хорош,

Такой прекрасный вечер.

«Бесконечна ночь без тебя...»

Бесконечна ночь без тебя.
День огромный пуст без тебя.
Нет тебя зимой, нет тебя весной.
Осень, летний зной.
Ты – не со мной.
Где-то ты в висках
Пристально стучишь.
Думать о тебе мне не запретишь.
Нет тебя весной.
Нет тебя зимой.
Осень, летний зной.
Вернись за мной.

«На плече твоём роса...»

На плече твоём роса...
Улыбаются глаза,
Губы приоткрыты.
Снова встретились глаза,
Так безумны небеса,
Губы не забыты.

«Не смеши, понимаю с полуслова...»

Не смеши, понимаю с полуслова.

Не смотри умным взглядом, но не новым.

Слабой я не хочу тебе казаться.

Сильная. И не смей опять смеяться.

«Я закрою глаза...»

Я закрою глаза,
Притворюсь, будто сплю.
Интересно, что будешь ты делать?

Я поймала тебя, уличила во лжи.
Говорил, что наивный, не смелый.

«Я тебя буду беречь...»

Я тебя буду беречь,
Прятать, сдувать пылинки.
А в ожидании встреч —
Смахивать слезы-соринки.
Буду стараться уснуть,
Чтоб для тебя быть красивой.
Спрячу подальше грусть.
Хочется быть счастливой.

«А ты знаешь, этим чувствам ведь не день...»

А ты знаешь, этим чувствам ведь не день.
Как в окно – я на тебя смотрю давно.
Молчу. Ничего не говорю.
Пропадаю, но открыться не могу.
Буду просто о тебе писать стихи.
Точно знаю, ты их даже не прочтешь.
Барабанит в окна вновь осенний дождь.
Дождь рисует, – силуэт не разберешь.

«Нежно-абрикосовый...»

Нежно-абрикосовый,
Светло-золотой.
Самый нежно-нежевый
В цвете чувств со мной.
Ласки дуновение,
Губ твоих слова,
Их прикосновение...
Не пойму, где я.
Мною ты растерянный,
Я дрожу тобой
В солнце нежно-нежевой
Синею волной.

Мой нежно-нежевый,
Удивленно-бежевый.
Ты растерялся вдруг от моих рук.
И я не верила, себе не верила,
Что расцветет зимой весна вокруг.

«Я в чем-то одинокий человек...»

Я в чем-то одинокий человек.
Не исчезайте и звоните иногда.
Не осуждайте вы меня за этот грех.
Я так давно не согревалась у огня.

Я пью вино. Но мне не весело, как им.
Смеются все вокруг. Но слезы на глазах.
Болтают вновь о бесконечных пустяках.
А я грущу, витаю в облаках.

«Что мне тебе подарить?..»

Что мне тебе подарить?
Хочется просто игрушку.
Девочкой маленькой быть,
Доброй, послушной болтушкой...

Радоваться, что ты придешь,
Ждать с нетерпением у двери,
Что мне тебе подарить
В ответ на заботу, доверие?..

«Я тебя нашла...»

Я тебя нашла.
Шел ты по дороге.
Шел совсем один,
Мой строгий,
Правильный ты мой,
Ласковый, родной.
Нет, не отпущу,
Не отдам другой.

«Сначала их не было видно...»

Сначала их не было видно,
«Нарциссы в бутылке».
Мерцало прозрачно и бледно
На нежной картинке.
Но годы прошли,
Изменяя мое отношение к цвету.
Не выцвела, стала сочнее
Картина, где поле и лето.
«Нарциссы в бутылке...»

«Две розы в разных вазах...»

Две розы в разных вазах.

Две розы, две судьбы.

Бордовая устала

От жизни и любви.

И лепестки одежды

Роняя невпопад,

Вздохнула очень нежно,

Но ты опять не рад.

Другая – молодая,

Оранжевый отлив.

Надменно, не вздыхая,

Всех разом покорив,

Терзает чье-то сердце

Своею красотой...

Быть хорошо не старой,

Не слишком молодой.

«Поле, поле, поле...»

Поле, поле, поле...
Журавлиный клин.
Поле, поле, поле,
Где-то ты один.
Ты грустишь, мечтая...
Только без меня.
Я спешу и еду,
Еду в никуда.
Дорога, сосны, небо.
Я люблю тебя.
Люблю, но ты не сможешь
Удержать меня.
Смотри, какие в небе облака!
Ты нужен мне.
Но я спешу!
Пока.

«Распустились первые цветы...»

Распустились первые цветы.
С наслаждением вдыхаю свежесть.
Удивляюсь я на эту нежность.
Нет, не рвите! Пусть живут цветы.
Им недолго в поле луговать.
Им недолго песни хороводить.
Я, с росой, пойду к цветам гулять.
Радоваться красоте, весне, природе.

«Неведомая сила...»

Неведомая сила.
Жму на тормоза.
Я тихо так спросила
Сквозь шум дождя:
«Куда?»
Под зонтиком лениво стоишь.
Пока чужой.
Неведомая сила
Столкнула нас с тобой.
По стеклу автомашины лобовому
Капли от вчерашнего дождя.
Я сегодня буду дома
Вспоминать тот сильный дождь,
А в нем – тебя.

«Сегодня облака плывут быстрее...»

Сегодня облака плывут быстрее.
Нежданно так тепло. И тает снег.
Все в одночасье перепуталось в природе.
Зима стремительно ускорила свой бег.

А я еще – вся в лени и истоме.
Не пробудиться мне от спячки холодов.
Смотрю в окно. И в голове круженье
От быстрого течения облаков.

«Ты мне сказал, что жизнь проходит...»

Ты мне сказал, что жизнь проходит
И с сединой весна уходит.
Стучат дожди, и нет любви.
Ты просто пьян. Зима уходит.
Как летний зной, любовь приходит.
Ты нужен мне! Пройдут дожди...

«Я прошу тебя, будь со мной...»

Я прошу тебя, будь со мной.

Я прошу тебя, будь везде.

Если песню пою, тоже пой.

Улыбайся со мной весне.

Без тебя мне страшно порой.

Без тебя мне пусто, поверь.

Буду ждать тебя до утра.

Постучишь – распахну дверь.

«Я тебя уведу за черту...»

Я тебя уведу за черту.
В чемодан уберу красоту:
Паутину из синих небес.
И еще разных вкусных чудес.

Мы оставим за дверью толпу,
Алчных лиц и завистников рой.
И ворчание глупых овец
Слабо слышится там, за чертой.

Я тебя уведу за собой.
Исцелю неземной чистотой.
И мотив, и любовь, и слова —
Все для нового светлого дня.

«Я сижу, пью вино. Вечер...»

Я сижу, пью вино. Вечер.
Бродят в мыслях дневные встречи.
Улыбнусь, а потом нахмурюсь,
Наблюдая игру улиц.

Мне хорошо, а почему сама не знаю.
Пью вино, мурлыча, что-то вспоминаю.
Отключаю телефон, чтоб было тише.
А дождь шуршит души мелодию на крыше.

Как живу, как грешу – тайна.
Дочь целую. Любя – плачу.
Теплоту твоих рук знаю.
Суету, пустоту прячу.

Утром кутаюсь в шарф теплый.
Кофе крепкий пью, обжигаясь.
Выйду, дверью тихонько хлопну.
В шум Москвы погружаюсь...

«У реки луг большой...»

У реки луг большой,
А вокруг лес стоит.
От такой красоты
Вдруг слеза заблестит.
Как смешны мы с тобой:
Все куда-то спешим.
А ты выйдешь на луг
И поймешь, что грешим.
Я пойду в те луга,
Где ж я раньше была?
Неземной красоты
Разглядеть не смогла.

«Нет, весна – это просто весна...»

Нет, весна – это просто весна.
Моим чувствам не надо верить.
Вот смотри – придут холода,
Я захлопну окна и двери.
Я закрою сердце свое.
Вдруг задвину ставни, – исчезну.
А пока – это просто весна.
И отсюда вся моя нежность.

«Я утонула в мыслях...»

Я утонула в мыслях.
Вдруг потеряла силу.
Весною захлестнуло.
Весною затопило.
Безжалостно вздыхаю.
Хочу кричать:
«Спасите!
От страсти пропадаю,
Мне руку протяните».

«Дерево сухое над водой стоит...»

Дерево сухое над водой стоит.
Дерево сухое в чистый пруд глядит.
Рядом, – молодое, шелестя листвою,
Шепчется с подругой, тоже молодой.

Чистый пруд окутан древней сединой.
Улыбаясь тихо, говорит со мной
На волне качает желтую листву,
С ним уже встречаю не первую весну.

«Мне не стыдно Вам признаться, что люблю...»

Мне не стыдно Вам признаться, что люблю.
Сколько лет я слова этого боялась.
Так сама себя всегда стеснялась,
А теперь уже, смотри, мне больше лет.

Вдруг открыла чувствам настежь дверь,
Наконец, себе самой узнала цену.
Я люблю Вас! Хочешь, верь или не верь...
В жизни всякие возможны перемены.

«Я хочу Вам сказать...»

Я хочу Вам сказать,
Отчего я не сплю.
Я смогла разгадать,
Почему я грущу.
Отчего на глаза
Навернулась слеза,
А у Вас мне в ответ
Лишь смеются глаза.
Вы, конечно, мудрей.
Вам, я вижу, смешно.
Не понять моих снов.
Вам без снов хорошо.
Я хотела сказать,
Отчего я не сплю.
Вам меня не понять.
Лучше я промолчу.

«Нежность! Как много нежности...»

Нежность! Как много нежности.
Солнце! Как много листвы.
Верность. Спасибо за верность.
Как хорошо, что есть ты.

Чувства, чувства глубокие.
Вздых – до в глазах темноты.
Звуки такие высокие,
Ты – наяву. Не мечты.

Ревность. Не мучайся ревностью.
Вдумайся в силу любви.
Утро придет райской свежестью,
Ночи любви коротки.

«Какая нервная любовь...»

Какая нервная любовь...
Я слышу нервные слова,
И руки, как струна...
И пальцы, что бегут,
Меня лишают сна.
И снова – нервный смех.
Уснул ты...
Нервный город спит.
Возможно, сплю и я.
В дыхании твоём мне
Нервный слышится мотив.

«Мне сонно...»

Мне сонно...

И уже не первый день.

Скажите, неужели это лень?

Мне странно от бессилия руки...

Улыбка непонятная, стихи.

Смешно от вновь

Нахлынувшей весны.

Вокруг не то, смешны не мы.

Смешно происходящее вокруг.

Мне сонно, видимо, не вдруг...

«Береза!...»

Береза!

Она влюблена,

Стоит, замерла у окна.

Волнуясь, колышет листвою.

И с ней это – каждой весной.

Она не сумела сказать...

И взглядов ее не понять.

По осени сбросит

Листву на тропу,

Где ты на рассвете пройдешь,

Не заметив слезу.

И голые ветви под снегом заснут.

Береза одна у окна...

«Не спеши...»

Не спеши,
Мне сегодня не спится.
Не зови,
Я накинула шаль.
Ухожу в темный сад.
Очень хочется
Слушать цикад,
Птичий свист,
Постепенно стихающий...
Мой смущенно, влюблено
Мечтающий...
Почитай что-нибудь,
Но не вздумай,
Слышишь, уснуть!

«В ветрах ...»

В ветрах —
Безумие
Столетий.
Упрямство есть
В ветрах!
Безудержная
Дерзость,
Страсть,
Волнующая
Сила
И размах —
В ветрах!

Сны-картины

Женщины – мужчины.

Бабы – мужики.

Все это – наяву...

Сон-сюр

Дом был огромен. На этажах темно, как на заброшенном судне или старой даче. Лучи солнца сквозь шторы, и паутина с пылью, чехлы на мебели, скрипят ступени. На самом деле паутины не было, чисто, полумрак. Спускаюсь из спальни, распахиваю входную дверь. Врывается морозный день и яркий свет. Такое впечатление, что в доме полночь, а на улице бурлит жизнь. От крыльца до калитки лежит чей-то старый ковер. Зачем он здесь? Стою, не понимая, откуда все эти люди? Становится ясно. Кто-то переезжает в новые места и, чтобы не тащить свой скарб, приволок этот ковер и много банок с помидорами. У крыльца на земле этот ковер, и банки, банки...

Очень много баб. Бабы, бабы, они знают меня и с радостью, как дар, отдают свое нажитое... Очень много мужиков, они красят забор. Почему-то их слишком много, на долю каждого выпало по четыре штакетины, они стоят на та-

буреточках по всему периметру участка. Понятно, что это рабочие, но почему-то говорят они на немецком языке. Радуюсь оттого, что мне понятен их язык. Проходя мимо, обещаю рабочим, управившись с домашними делами, вернуться к ним, поговорить, поупражняться в стремительно ускользающем из мозгов, но впитанном с детства немецком языке.

Садовник радостно сообщает, что в поселке, за лесом, кто-то продает старые гаражи. Обещаю ему прикупить парочку гаражиков. Он уже взял себе два, кто-то еще хочет два, словно речь идет о бесхозных арбузах. Хожу по дому, смотрю, где перегорели энергосберегающие лампочки. Иду в кабинет, чтобы взять с десятков новых. Там за компьютером сидит наш семейный друг, но почему-то с маленьким ребенком. Он удивленно смотрит на меня с неммым вопросом: «Что с этим ребенком делать?» Меня зовут все эти люди и ждут совета. Бегаю по дому с этажа на этаж, бегаю по саду. Иногда ходит рядом мама, которой давно нет в живых.

* * *

Во сне четко вижу место, дом, улицу. Новокузнецкая. Я там раньше часто ходила, это несколько правее трамвайных путей. Почему-то в сентябре туда пойду. Вижу отчетливо, как в кино, себя, проходящую через охрану. «Вы к кому?» Объясняю: «Меня очень ждут. Хотят крутить мои песни по радио. Детские и на немецком языке». – «Да, конеч-

но, мы об этом знаем. Проходите». Вокруг очень доброжелательные люди, они берут мои диски. Но у них обед, они пьют чай и жуют бутерброды. Все мне говорят: «Будем, будем крутить!» Я ухожу. Не помню, какой сентябрьский день мне снился. Но сентябрь еще впереди. Надо сходить на ту улицу и в тот дом...

* * *

Если стоять на красной аллее, то там, за чужим домом с садом, на самом верху, ближе к дороге, существует иной мир. Если вспомнить, то раньше здесь не было дома, а был просто пустой участок, ландшафт с уступами. Видимо, дом снесли или он еще в войну был разрушен. Немного странно: все дома симметрично красной аллее стоят, а один – нет. Тогда я с подругой через покосившуюся ограду пробралась на этот заброшенный участок. Сидя на солнышке, что-то искали, копоша палочкой в земле. С тех пор много лет снится один и тот же сон. Будто бы там, за забором, чудовищно огромные скульптуры из камня. Они – за тем забором. Огромные, как боги. Во сне я иду туда долго. Сейчас стою и понимаю: там чей-то чужой сад, дороги нет, нет горы и богов. Но они снятся.

* * *

Снился сосед по крымской даче. Естественно, во сне мы – молодые и красивы. Оказывается, я ему давно нравлюсь. Мы все время хотим остаться одни. Но люди из разных времен моей жизни всплывают и начинают играть какие-то роли, которые в наш с соседом сценарий не вписываются. Исчезают одни люди, не успеваем вздохнуть с облегчением, как появляются новые, с других страниц прошлого. Видимо, все эти люди реально будоражат не только сон, но и явь. Придумала! Надо, когда они там, во сне, все соберутся, раз – и – резко проснуться. Два – и – всех их прогнать. Но сон становится глубже... Вот уже утро, не помню лица, имена. Но помню, меня любил сосед...

* * *

Наблюдаю улицу жизни... Кадры сменяются слишком быстро. Если описывать все ежедневное, получится слишком долго. А если затеять такую игру: выстроить в ряд только зимы, только осени, все лета и весны. Или, к примеру, очень длинное кино про одну и ту же семью, но всегда сезон один: зима...

Так можно проследить забавные аналогии, схемы, похожести и разности. Взрослые стареют медленнее. Щемящее: болезненно быстро растут дети и ты вдруг из мамы, большой и строгой, несущей в руках карапуза, превращаешься в «крошечную» мамулечку, которой искусно манипулирует

любимый подросток. Меняются кадры: лето 19..., лето 2001, лето 2013, и ты видишь, что многих почему-то рядом нет. Семья идет по той же улице: автобусы, магазины, кафе. А если вырвать из памяти не только все периоды осени, а лишь совместные поездки за последние годы? Получится каждое лето – по две недели. Взять и показать одну семью на протяжении десяти лет. Вся история уложится в один год, и в одном кино мы увидим улицу жизни...

* * *

Он живет совсем недалеко от этой женщины и видит ее непонятную многим жизнь. Что бы она ни говорила, ему нравится. Хотя она может обидеть слишком больно подмеченной реальностью. Очень-очень часто смеется он от сказанного ею, как ребенок, или плачет. Он играет? Зачем?

Говорит, все это умно. Ну к чему ему лгать? Возможно, это только ему так нравится все, что она думает. Сомнения вокруг нее появились еще до рождения. Сомнения не могут без этой женщины жить. Они пропитали воздух вокруг, он измучился разгонять эти бесстыжие существа. Она иногда начинает верить ему, что, подобно хрупкому цветку, хороша в своей худобе и утонченности, своих мыслях необычных и мелодиях незатейливых, но, подобно цветку, временами сникает в сомнениях.

Ему нельзя быть далеко! Цветы не оставляют...

* * *

Она, как обычно, вышла из дома, села в машину. Доехала до станции Перхушково, зашла в Дом культуры. Прошла через дверь в зал... и оказалась на пляже в Севастополе. Перенесло. Оказывается, все уехали туда отдыхать...

* * *

Они приходят, когда тихо. Разные – веселые и грустные, порой, до неприличия обнаженные. А иногда – нервно покрытые множественными слоями густой масляной краски. Они – наплывают, толкаются... Мешают спать. Еще громче кричат в шуме людской толпы и потоках машин. Им не хватает воздуха... Они молят о невозможном: тишины! Той, первозданной, хотя бы секунды тишины... Они захлебнутся в суете, так и оставшись не услышанными, исчезнут в ином измерении. Они – Мысли, Звуки, Стихи.

И Мы с Вами... Тишины!

* * *

Скоро додов среди людей станет больше. Есть просто доды, их и без очков видно прямо на улице. Встречаются люди, которые могут стать додами. Замечаются и люди, которые

считают себя додами, но уже никогда не смогут таковыми стать, слишком уж они «облюдели» в недобром и очерстевшем племени людском. Вот «Мозг» взялся объяснить всем, кто же такие доды, чтоб не допустить проникновения додов-самозванцев в мир додов, а людям, которые пока еще могут стать настоящими додами, помочь это сделать. Когда люди находят друг друга – одна история.

А вот когда друг друга находят доды – один сплошной прикол.

Вы в этом сами скоро убедитесь, если будете внимательно читать эту книгу...

* * *

Люблю разговаривать с людьми на улице, в магазине, спрашивать совета, сочувственно кивать головой. Меня за это всегда ругают близкие, им, видно, стыдно за мою неожиданную словоохотливость. Ни к чему не обязывающая болтовня порой бывает весьма интересна. Некоторые темы оседают в мозгах и потом еще какое-то время там пульсируют. А вот с гостями, старыми друзьями, родственниками непросто. Лучше молчать.

После последнего прихода гостей я вообще ничего не могла вспомнить... Да и что вспоминать? Кто был? Нет, не была пьяна, я вообще была за рулем.

Научилась все-таки с годами (хвала психологам) выстра-

ивать блоки и защиты... Но чтобы вообще гостей не заметить... А вот на улице поговорить люблю.

Дом

Дом – угловой. Фотографирую названия улиц, чтобы уже не забыть никогда. В три, четыре года названия не волновали, мир воспринимался не в перспективе, планах и разрезах, а в крупных деталях. Дерево, двери, балкон, крыша. А что там за забором? Какая разница. Если мама с подругой скрылись за этим забором, то главное, чтобы они вернулись поскорее. Обхожу дом со стороны другой улицы, вижу дыру в заборе. Разумеется, в Германии так не делают, но я лезу в сад. Раньше сад казался мне огромным. Слезы покатились рекой. Ничего не изменилось. Четко вспомнила яблоню. Огромный камень-валун... Бегу, царапая о траву руки и ноги, вглубь к дому. Наши ступеньки. Все заросло. Видны очертания волейбольной площадки. Оказывается, камень-валун закрывал вход в немецкий блиндаж. Мы, дети, тогда нашли там гильзы, патроны, ложки и человеческие кости. Потом приходили полицейские, саперы работали. Жалко, все закрыто. Потягиваюсь, смотрю в окно. Пыль. Паутина. Мы жили на втором этаже. Вон там кухня, спальня, детская. Заросшее крыльцо, тропинка и калитка, в которую уходила мама, а я смотрела на нее из окна. Мне повезло, что сегодня дом заброшен. Дом хранит для меня мое, святое, каждый камушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.